

Обручение Христу: православные братства в России

Рецензия на книгу: Православные братства в истории России : К 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов : Сборник научных трудов : В 2 ч. М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2018.

История православных братств, существовавших в России как до революции 1917 г., так и в послереволюционный период, — тема не только интересная, но и чрезвычайно актуальная по нескольким причинам. Прежде всего, это история того, как люди, пытаясь исполнить заветы Христа, объединялись для совместного религиозного делания, как они противостояли «духу мира сего», стремясь сохранять то, что считали основополагающими принципами православной жизни.

Но важно не только это. История православных братств — это и история религиозного становления конкретных людей, история их «жизни во Христе», попытка личным примером засвидетельствовать верность Богу, тем самым показав всем — и собратьям по вере, и скептикам, и откровенным богоборцам — истинность великого утверждения, гласящего, что «нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин 15:13).

Однако далеко непросто дать четкое, однозначное определение того, что есть братство. Братство — это и вечное экзистенциальное свойство Церкви, но это и «собрание» верующих, стремящихся устроить свою жизнь в соответствии с требованиями Евангелия, воплотить, по слову о. Георгия Кочеткова, «полнее и глубже новозаветную жизнь во Христе по благодати Святого Духа» (ч. 2, с. 346). Понятно, что в жизни полностью решить эту задачу вряд ли возможно, но стремление к подобному осуществлению само по себе заслуживает если не восхищения, то в любом случае — пристального внимания.

Как православные люди, верующие во Христа, пытались устроить свою жизнь в братском согласии, что на этом пути им пришлось преодолеть, почему их деятельность не всегда приносила чаемые плоды, что это были за плоды — обо всем этом (и о многом другом) много говорилось на второй Всероссийской научно-практической конференции «Православные братства в России»,

проходившей в Санкт-Петербурге 1–3 февраля 2018 г. По материалам этой конференции и был подготовлен объемный сборник (состоящий из двух частей), изданный Культурно-просветительским фондом «Преображение». Выход в свет указанного сборника, на мой взгляд, можно назвать важным событием в жизни не только церковно-исторического сообщества (т. е. сообщества церковных исследователей), но и в жизни всех православных, искренне заинтересованных в укреплении и дальнейшем утверждении основополагающих принципов христианского бытия.

В сборнике опубликовано 33 доклада (статьи) — 14 в первой части и 19 во второй. Кроме того, во второй части сборника помещена стенограмма итогового круглого стола («Братский потенциал в жизни Церкви в новейшее время»). Понятно, что разбирать тексты всех выступавших — дело трудно осуществимое. Возможно отметить лишь основные направления, по которым шла работа. Таких направлений, судя по материалам сборника, было семь. Открывался сборник разделом, носившим название «Братское движение после 1917 г.: своеобразие и исторический контекст»; затем следовали: «Православные братства — ответ на вызов революции», «Духовные союзы на переломе эпох» (все — в первой части сборника), «Братские объединения в XX веке: история и экклезиология», «Православные братства в дореволюционной России», «Братства и духовные союзы до и после 1917 года», «Духовные объединения в 1920–1930-е годы» (последние четыре — во второй части).

Материалы включали как обобщающие доклады, так и доклады, касавшиеся истории конкретных братств (в частности, Александро-Невского в Петрограде, Свято-Николаевского в Житомире, во имя Симеона Верхотурского в Шадринске, Союза духовенства и мирян в Архангельске, Киевского братства Иисуса Сладчайшего и т. д.). Важно отметить, что, хотя поводом к конференции послужила 100-летняя годовщина возвания Патриарха Тихона об образовании духовных союзов, разговор шел и о дореволюционных братствах в России, о феномене братской и общинной жизни *in corpore*.

Основная идея, которая проводилась на конференции и нашла отражение в ее материалах, на мой взгляд, заключалась в том, что православные братства в России, особенно в первые годы Советской власти, оказались своеобразными «форпостами» в борьбе и за Церковь, и за соборность Церкви, за духовную свободу — даже в условиях несвободы политической и идеологической. Разговор

о конкретных братствах, о перипетиях их существования в годы воинствующего богоборчества лишь помогает лучше понять, что такое «свобода во Христе», насколько важна не декларируемая, а реальная «соборность», прилагаемая к жизни и отдельной общины, и конкретного человека, являющегося ее членом.

Братства, конечно, есть образования, развивавшиеся прежде всего и преимущественно «снизу», но из этого не следует, что они в основе своей — «мирянские». Из материалов конференции, опубликованных в сборнике, следует, что разговор о создании братств, об их утверждении и укреплении следует вести чрезвычайно осторожно, что идея Церкви как некоего всеобъемлющего «братства» — идея, оправданная и богословски, и исторически. В этом смысле противопоставление «мирянской» инициативы инициативе архи- и/или иерейской — некорректно. Разумеется, говоря это, необходимо помнить о роли так называемой приходской революции, свершившейся в 1917 г. Она самым существенным образом повлияла на образование братств в большевизируемой России. Данное обстоятельство, как мне кажется, следует оценивать не в исторических, а в богословских категориях (хотя абсолютное большинство деятелей духовных союзов того времени не были богословами).

Важным вопросом, который неизбежно возникает при чтении материалов конференции, следует признать вопрос о том, возможно ли, правильно ли сравнивать братства, существовавшие в синодальный период, и братства, появившиеся после революции 1917 г. Однозначного ответа на него, конечно, не существует, поскольку появление и развитие общинно-братской жизни в условиях «симфонического» государства и советского государства, выступавшего за полное вытеснение религии из жизни своих граждан, обуславливалось разными обстоятельствами. В данном случае, полагаю, следует согласиться с мнением о. Георгия Кочеткова, указывавшего, что в начале XX в. церковь в России «переживала исчерпание, даже крах константиновского периода своей жизни» (ч. 1, с. 12). Следовательно, корни «братского движения», развивавшегося в годы Гражданской войны, все-таки уходят в предшествовавший период. Эти корни — в противостоянии «всякому клерикализму и папизму», в противостоянии все более и более нараставшим антихристианским и антирелигиозным тенденциям. В данном случае революция 1917 г. стала трагическим поводом для усиления борьбы с противниками веры и Церкви, т. е. и для организации православных братств.

Следует ли из этого, что православные братства были неким временным или даже компенсаторным явлением, возникшим в кризисное время, или же это форма церковной жизни, закономерно пришедшая на смену приходам в «постконстантиновскую» эпоху? Этот вопрос, судя по материалам, исключительно волновал участников конференции, пытавшихся не только рассказать об истории тех или иных общин, возникших в 1918–1920-е гг., но и затронуть более важную тему — о роли революции в деле их становления и деятельности. Следует особо подчеркнуть, что говоря о революции, некоторые участники совершенно справедливо делали акцент не только и не столько на последствиях глобальных социальных пертурбаций, сколько на «революции духа», которая была ответом на фундаментальные религиозные запросы тех, кто воспринимал соборность как необходимое условие полнокровной церковной жизни. Братства были ответом не только на вызов, брошенный верующим безбожными строителями «нового мира», но и «казенному православию», о котором много говорили и писали в последние десятилетия существования самодержавия в России. В этом смысле можно говорить о том, что братства есть проявление этой самой «революции духа» в российской действительности.

Много говорилось на конференции и о том, что православные братства в разных городах и областях создавались с учетом местных условий. В этой связи закономерно вставал вопрос: а можно ли говорить о какой-либо их типологии? Как мне показалось, участники конференции не смогли найти на него однозначного ответа. По моему мнению, поиск ответа на него — задача не первостепенной важности. Принципиальнее иное: все православные братства, сознательно или нет, но стремились найти такие формы своего существования, которые позволили бы верующим приблизиться к «жизни во Христе», — разумеется так, как они эту жизнь понимали и чувствовали. Показательно также, что в ходе дискуссии участники конференции обращали внимание на то, что само слово «братство» может восприниматься как синоним слова «церковь». Это — принципиальный момент, ибо Церковь всегда и во все времена была «братством верных», в условиях же гонений идеалы братства были востребованы теми, для кого вера в Бога означала суть и смысл земного бытия.

Материалы докладов показывают, что эпоху церковных гонений 1917-го — 1920-х гг. можно характеризовать и как время церковного пробуждения, несмотря на то, что миллионы ранее

числившихся православными граждан России ушли из церкви, не стали противодействовать антирелигиозной пропаганде большевиков и творимому ими в отношении духовенства и активных мирян насилию. Те, кто остались верны Христу, стали той «солью земли», о которой говорил Христос в Нагорной проповеди (Мф 5:13).

В этом смысле можно сказать, что история православных братств может и должна рассматриваться нами как доказательство того парадоксального (*но лишь на первый взгляд*) обстоятельства, согласно которому церковное возрождение может происходить на фоне церковных гонений. По крайней мере, опубликованные фондом «Преображение» материалы позволяют нам серьезно задуматься над указанным парадоксом.

Следует подчеркнуть, что в работе конференции принимали участие самые разные люди: как известные церковные историки, богословы и публицисты, так и краеведы, исследователи семейных архивов, студенты и аспиранты. Главное, что их объединяло, — это живая заинтересованность в теме, стремление понять всю серьезность вопроса о братском движении, показать, насколько тесно оно связано с вопросом об ответственности мирян в жизни Церкви. Не случайно один из участников конференции — профессор прот. Георгий Митрофанов, рассуждая о церковной политике патриарха Тихона в 1918 г., задавался вопросом, являлся ли опыт братств тем опытом, который в условиях гонений мог сохранить церковную жизнь?

История показала: братства стали способом организации жизни «верных», желавших сохранить то, что считали святыней, чем поступиться значило предать себя — как православных христиан и чад православной церкви. Поэтому можно назвать братства, возникшие после 1917 г., «выражением жизни Церкви в эпоху гонений» (ч. 2, с. 353). Но, думается, это неполное определение, оно требует некоторых дополнений. Революционные пертурбации и гонения лишь стимулировали активное развитие братского движения, по сути не породив его. Вернее будет сказать, что безбожное лихолетье позволило преданным Церкви мирянам сплотиться вокруг патриарха и, выражаясь словами о. Георгия Кочеткова, «пропустить благодать Божью через себя» (ч. 2, с. 359). Они сумели показать, что значит «соборность» в церковной жизни, претворив на практике старую славянофильскую идею.

Как это было, мы можем увидеть, читая статьи указанного сборника. В этих статьях, как правило, редко говорится о «любви»,

но, по большому счету, речь идет именно об этом. Характерно, что на круглом столе прот. Александр Сорокин заметил: словом «любовь» переводится греческий термин «агапи» (ἀγάπη), который можно перевести и словом «братство» (ч. 2, с. 364). Указанное замечание кажется мне наиболее существенным, ибо позволяет понять основную идею, лежащую в основе «братского» делания — идею любви к ближнему. А ведь любовь к ближнему — важнейшая заповедь, заповеданная Христом.

Таким образом, можно сказать, что история братств может рассматриваться как «земное преломление» Божественных указаний, как попытка приблизиться к идеалу в далекой от него человеческой жизни. Насколько это удавалось деятелям православных братств России — и до 1917 г., и в последующий период, — можно узнать, читая материалы сборника. Быть может, история православных братств поможет нам взглянуть на эпоху советского богоборчества с ранее неизвестной стороны, увидев, что это было не только время апостасии, но, одновременно, — время «сохранения и приумножения благодатных сил Христовой любви» (ч. 1, с. 8).

*С. Л. Фирсов,
д-р ист. наук*